

**МИХАИЛ
СОЛОМЕНЦЕВ**

**ЗАЧИСТКА
В ПОЛИТБЮРО**

**КАК ГОРБАЧЕВ
УБИРАЛ
“ВРАГОВ
ПЕРЕСТРОЙКИ”**

Суд истории

Михаил Соломенцев

**Зачистка в Политбюро.
Как Горбачев убирал
«врагов перестройки»**

«Алисторус»

2011

Соломенцев М. С.

Зачистка в Политбюро. Как Горбачев убирал «врагов перестройки»
/ М. С. Соломенцев — «Алисторус», 2011 — (Суд истории)

Михаил Сергеевич Соломенцев – член Политбюро ЦК КПСС. При Ю.В. Андропове Соломенцев возглавил Комитет партийного контроля (КПК), куда приходила информация обо всех высокопоставленных деятелях КПСС, об их работе, контактах, поведении в быту и т. д. Понятно, что Соломенцев был видной фигурой в руководстве КПСС и знал о многих секретах. Вместе с Е.К. Лигачевым Соломенцев вначале поддержал горбачевские реформы, но когда увидел, кто в результате пробивается во власть, какие цели достигаются этими реформами, – выступил против Горбачева. Последний отреагировал молниеносно: слишком осведомленный начальник КПК был уволен со своей должности, выведен из состава Политбюро и отправлен на пенсию. В своей книге М.С. Соломенцев рассказывает о тайной «войне кадров» в Политбюро, которую вел Горбачев. Свидетельства автора книги содержат ценную, уникальную информацию о подковерной борьбе в горбачевском руководстве и методах работы самого Михаила Горбачева.

Содержание

Предисловие	5
Часть 1	11
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Михаил Сергеевич Соломенцев

Зачистка в Политбюро. Как Горбачев убирал «врагов перестройки»

Предисловие

Я хорошо знал автора этой книги, Михаила Сергеевича Соломенцева, по совместной работе в ЦК КПСС и в Политбюро ЦК КПСС.

В прежние времена в ходу было выражение о том, что партия у нас – плоть от плоти и кровь от крови народная. Биография Михаила Сергеевича – лучшее доказательство правоты этих слов. Он родился 25 октября (7 ноября) 1913 года в селе Ериловка Елецкого уезда Орловской губернии – ныне Елецкого района Липецкой области – в крестьянской семье. В детстве несколько лет жил с родителями в городе Макеевка Донецкой области, здесь пошел в школу. Затем, вернувшись в село, доучивался в школе в городе Елец. Потом была учеба в Ленинградском индустриальном институте, на механическом факультете, который Соломенцев окончил с красным дипломом в 1940 году. В том же году вступил в ВКП(б).

Молодой специалист по распределению попал в систему оборонной промышленности, в Липецк, где строился завод № 61, известный сейчас как тракторный. Начал работать сменным мастером в цеху, где выпускали снаряды, а через полгода был назначен заместителем начальника цеха. В начале Великой Отечественной войны завод был эвакуирован на Урал, в город Касли Челябинской области. На месте в короткие сроки Михаилу Соломенцеву удалось наладить производство снарядов и мин в неотапливаемом цеху. Далее, в течение всех военных лет, он организовывал выпуск продукции для фронта.

В 1948 году он был назначен главным инженером Златоустовского завода № 259. С 1949 года по 1954 год работал директором станкостроительного завода им. С. Орджоникидзе в Челябинске.

С 1954 года М.С. Соломенцев на хозяйственной и партийной работе. Работал в Челябинском обкоме КПСС инструктором, заводделом, вторым секретарем. Летом 1959 года по направлению ЦК КПСС уехал в Казахстан, где был избран Первым секретарем Карагандинского обкома КПСС. Во время его руководства областью шло активное строительство металлургического комбината в Темиртау – Казахской Магнитки. На XXII съезде КПСС Соломенцев был избран членом ЦК партии. В 1962 году избран Вторым секретарем ЦК компартии Казахстана.

В 1964 году он был направлен на работу в Ростов-на-Дону, избран Первым секретарем Ростовского обкома КПСС. Два года успешно руководил областью. В 1966 году переведен на работу в центральный аппарат партии в Москву, назначен заведующим отделом тяжелой промышленности ЦК КПСС.

В июле 1971 года М.С. Соломенцев был назначен Председателем Совета Министров РСФСР. Первым делом ему была поручена индустриализация сельского хозяйства и подъем Нечерноземья. В планы девятой пятилетки входило обеспечить потребности населения, и проблема продовольствия стояла особенно остро. Подъем сельского хозяйства был зафиксирован уже через год работы Соломенцева.

В июне 1983 года, по предложению Андропова, М.С. Соломенцев был назначен на должность председателя Комитета партийного контроля при ЦК КПСС. Одновременно был переведен в члены Политбюро ЦК КПСС.

За свои заслуги перед Родиной Михаил Сергеевич был дважды отмечен званием Героя Социалистического Труда, был награжден пятью орденами Ленина, двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденом Красной Звезды, медалями.

* * *

Несмотря на славный жизненный и трудовой путь, пройденный М.С. Соломенцевым, в последние годы горбачевской «перестройки» и после нее на Соломенцева, как и на всех, кого называли «партийной номенклатурой», вылили океаны лжи. Нас – а я тоже, можно сказать, был номенклатурой – упрекали в бесчисленных ошибках, но создавать новую цивилизацию, социалистическую, не допуская ошибок, – иллюзия. А стремились мы в первую очередь к улучшению условий жизни, труда и быта советских людей. Скажем, при советской власти люди получали квартиры бесплатно. Сегодня на 300 тысяч рублей материнского капитала (нужная вещь, приветствую!) в Москве можно купить три квадратных метра жилплощади.

Нас критиковали за то, что в СССР имелись случаи коррупции и взяточничества среди партийных и советских работников. Да, были такие случаи, мне выпала доля докладывать на Пленуме ЦК об одном таком деле. Пришлось принять серьезные меры вплоть до освобождения первых секретарей обкомов и даже одного руководителя республики. А заместителя министра рыбной промышленности суд приговорил к расстрелу. Но сколько сейчас в России случаев взяточничества и воровства, однако большинству коррупционеров все сходит с рук...

Отдельный разговор об антиалкогольной кампании. Меня до сих пор продолжают пинать за нее, тревожат память и Михаила Сергеевича Соломенцева, но ведь с пьянством действительно надо было бороться, оно принимало масштаб национальной катастрофы. Нас обвиняют, что отрезвительная политика нанесла ущерб стране. Мол, не было выпито спиртного на 37 миллиардов рублей, это подорвало бюджет. Но если подсчитать по всем статьям, то отрезвление людей уже в ходе кампании, не говоря об отдаленных последствиях, прибыльнее государству, нежели продажа водки. Почему-то считают, будто в советском бюджете 30 и более процентов составляли доходы от алкоголя. Это путаница, возможно, сознательная. 30 процентов дохода было в объеме всех пищевых продуктов. Налоги на алкогольные напитки в бюджете СССР составляли лишь 10–12 процентов.

Сейчас же в бюджете России меньше одного процента «пьяных» денег. Куда идет все остальное? Ведь пьют в стране намного больше. Гигантская прибыль! Эти деньги идут, нанося вред обществу, здоровью людей, не в госказну, а в карманы винно-водочных, пивных баронов. И коррумпированных чиновников. Это они прежде всего скрывают правду о некоторых положительных результатах нашей кампании. В России, дескать, пили, пьют и будут пить.

Правительство, если не считать «заботы» о качестве водки – алкогольного яда, и правящая партия «Единая Россия» ничего не сделали для преодоления пьянства и алкоголизма, уносящих ежегодно сотни тысяч людей из жизни. Но зато активно занимаются дискредитацией антиалкогольной кампании Лигачева и Соломенцева. Напластованы горы полуправды, откровенной лжи и измышлений. Вместе с тем убраны все преграды на пути алкоголизации общества, сняты все ограничения. В том числе государственная монополия на производство и продажу алкоголя.

Для властей, правящей партии «Единая Россия» пьянство людей означает отвлечение их от протестных действий, а также огромные барыши (рентабельность водки свыше 1000 %) алкогольного рынка. Алкогольный рынок – гнездо коррупции, подкупа, кормления должностных лиц и их продажных политиков.

* * *

Была ли необходима антиалкогольная политика в 80-е годы прошлого столетия? Да, в этом была острая потребность. Она вызвана двумя обстоятельствами.

Первое. За период (1964–1984 годы), предшествующий антиалкогольной кампании, значительно увеличилось производство и потребление водки и дешевых вин (в частности «бормотухи» из плодов и ягод), доходы от их продажи возросли в 4 раза. Стало больше прогулов, повысились преступность, увеличились заболевания, связанные с чрезмерным употреблением алкоголя.

Второе. Всевозрастающий поток писем, телеграмм в ЦК КПСС, Правительство, в газеты и на телевидение с требованием обуздать широко распространившееся пьянство, принять строгие меры к пьяницам. То был стон жен, детей, теряющих мужей, отцов и сыновей. Недаром говорят, что сколько выпито водки мужчинами, столько пролито слез близкими и родными.

Надо было действовать. Комиссия Политбюро ЦК КПСС под председательством М.С. Соломенцева подготовила необходимые документы, а именно проекты постановлений ЦК КПСС и Совета Министров СССР, указа Верховного Совета СССР. В мае 1985 года они были приняты на заседании Политбюро единогласно и опубликованы в печати. Каковы цели антиалкогольной работы партии, государства? Фактически была поставлена цель сбережения народа, укрепления его физического и нравственного здоровья, избавления взрослых и детей от страданий и мучений, повышения работоспособности людей, безопасности страны.

Производство водки было сокращено на 40 %, а производство шампанского возросло на 50 %, был прекращен выпуск «бормотухи» из плодов и ягод. А для культивирования здорового образа жизни были привлечены художественная интеллигенция, медицинская и спортивная общественность, средства массовой информации. На этом направлении активизировалась деятельность партийных и других общественных организаций, товарищеских судов. Возросла массовость спорта. Весьма активную позицию в борьбе за отрезвление общества в ту пору, в отличие от нынешних времен, занимала Церковь.

Какие результаты антиалкогольной кампании? По данным статистики, снизилась смертность, увеличилась рождаемость. В 1986–1987 годах родилось на 500 тысяч детей больше, чем обычно. Продолжительность жизни достигла 70 лет. А сейчас у мужчин она составляет 60 лет. Число прогулов снизилось на 35 %, преступность упала на 25 %, производственный травматизм – на 20 %, существенно уменьшилось количество сердечно-сосудистых заболеваний. Прирост производительности труда ежегодно составлял 1 %, что равнялось 10 млрд. рублей дополнительных поступлений в бюджет.

К сожалению, в ходе борьбы с пьянством были допущены ошибки, верх стали брать запретительство и кампанейщина, оживилось самогонование. Но скрытое, нелегальное производство водки, как показывают расчеты, не восполняет сокращение легального производства. И в данном случае с учетом самогона душевое потребление алкогольных напитков снизилось с 10 до 6 литров на человека.

Учитывая плюсы и минусы антиалкогольной кампании 80-х годов, следует выработать кардинальные меры пресечения алкогольного геноцида, нравственного и физического разложения людей. В частности, восстановить монополию государства на производство и реализацию алкоголя. Запретить алкогольную рекламу, упорядочить торговлю алкоголем, осуществить комплекс мер по нравственному и физическому воспитанию людей.

Антиалкогольную политику могут вести трезвые люди, посвятившие свою жизнь своему народу, ведущие страну по социалистическому пути развития. Правительство министров-капиталистов, семьи которых, по меньшей мере, долларовые миллионеры, не заинтере-

совано в том, чтобы покончить с алкоголизацией общества, приостановить вымирание народа, вывести страну на путь выздоровления и процветания.

* * *

Я так подробно здесь остановился на антиалкогольной кампании потому, что она, повторяю, до сих пор является главным пунктом обвинения против М.С. Соломенцева и меня. Однако при этом забывается о той борьбе, которая велась тогда в Политбюро, с перевертышами и предателями типа Горбачева и Яковлева, а также прочими разрушителями нашей страны. Коротко расскажу лишь об одном эпизоде этой борьбы, связанным с так называемым «хлопковым делом», в ходе разбирательства которого были затронуты наши с М.С. Соломенцевым фамилии.

В мае 1989 года в «Литературной газете» был опубликован очерк О. Чайковской под названием «Миф». В этом очерке впервые была громко сказана правда о методах следователей Гдляна и Иванова в ведении «хлопкового дела». Собственно говоря, Чайковская разоблачила их. В очерке «Миф», между прочим, приводилось письмо директора совхоза А. Раджапова, которого вынуждали признаться в даче взятки секретарю Каракалпакского обкома партии. Раджапов не согласился. И что же? Следователи «стали угрожать мне, – писал Раджапов, – что посадят меня между уголовниками, а им подскажут, чтобы они делали со мной все, что хотят, пусть тебя топчут, убивают (подлинных их слов написать просто невозможно), тогда ты как миленький напишешь все, что от тебя требуют.

Пошлость, низменный жаргон, уличный мат и похабщина были для следователя нормой разговорной речи. Если бы мне сказали, что подобное возможно в наше время, вряд ли бы я поверил».

Чайковская писала о тех случаях, когда подследственные не выдерживали угроз, истязаний и подписывали все, что им подсовывали следователи. Некоторые в ходе следствия кончили жизнь самоубийством.

В деталях обо всем этом я, повторяю, узнал из очерка в «Литературной газете». Кстати, осенью 1990 года Чайковская написала еще один очень острый очерк, разоблачающий методы Гдляна и Иванова. «Литературная газета» Бурлацкого отказалась публиковать разоблачения Чайковской, они были напечатаны в «Вестнике Академии наук СССР» небольшим тиражом (№ 8, 1990 год).

Выяснилось, что Гдлян и Иванов были подобны пешкам, возмнившим, будто смогут прорваться в ферзи. А ответственность за то, что общество не смогло вовремя, объективно и обстоятельно, без истерики разобраться с обвинениями, выдвинутыми Гдляном и Ивановым, пошло у них на поводу, должны разделить и те средства массовой информации, которые то ли в погоне за сенсацией, то ли из политических групповых интересов моментально создали миф о «героях-следователях».

Этот миф заглушил мучительные стоны, раздававшиеся тогда из следственных кабинетов Узбекистана. Более того, пресса даже повела атаку на специальную комиссию, которую Президиум Верховного Совета СССР создал для проверки жалоб из Узбекистана.

По сути дела, это был возврат к прежним далеким временам. Под новой вывеской гласности и демократии насаждали старые методы «неприкасаемости».

Когда Гдлян и Иванов почувствовали, что пахнет жареным, то сделали главным тезисом своей предвыборной программы следующее заявление: разоблачить узбекскую мафию мешает Москва, поскольку в ЦК и, конечно, в Прокуратуре СССР засела коррумпированная верхушка. Страна загудела. Неужели в Москве? Неужели в Кремле? Неужели на Старой площади?..

* * *

12 мая Иванов в ходе предвыборной кампании выступил с новыми «разоблачениями» по радио. Он говорил: «Многие избиратели спрашивают, почему не ведется борьба с мафией в Ленинграде и кто из высших чинов в Москве проходит по уголовному делу. Дело в том, что борьба не ведется потому, что государственная политика сегодня – это политика полного сворачивания борьбы с организованной преступностью. А бороться можно везде. К сведению ленинградцев можно сказать, что в числе лиц, которые фигурируют в нашем уголовном деле, имеется фигура бывшего руководителя Ленинграда товарища Романова. Кроме всего прочего, в деле замелькали такие фигуры членов Политического бюро, как товарищ Соломенцев, товарищ Лигачев, бывший председатель Верховного суда Теребилов. Очень беспокоит на сегодняшний день та ситуация, которая сложилась вокруг Лигачева. Нас очень беспокоит усиление позиций этого человека с учетом того сдвига вправо, который мы наблюдаем в сегодняшней политике, это не может не вызывать существенного беспокойства. Я не говорю о виновности или невиновности этих лиц. Я на сегодняшний день говорю то, что дело в дальнейшем будет свернуто. Я прекрасно себе отдаю отчет в том, что я сейчас говорю. И я готов нести полную ответственность за свои слова. Спасибо».

Эти слова немедленно подхватили западные радиостанции. Международное французское радио, например, сообщило: «Советский прокурор Николай Иванов заявил, что отдельные высокопоставленные лица, в том числе лидер консерваторов в Политбюро Егор Лигачев, Григорий Романов и Михаил Соломенцев, замешаны в крупном скандале и что власти пытаются заблокировать следствие».

Еще более любопытную информацию передал «Голос Америки»: «Прокурор Николай Иванов заявил, что в ходе проводимого им расследования коррупции в государственных органах всплыло имя члена Политбюро ЦК Лигачева. Иванов не сообщил никаких подробностей. Егора Лигачева, имеющего репутацию деятеля консервативного толка, иногда считают соперником Горбачева».

Когда мне принесли запись выступления Иванова, я стал вчитываться снова и снова, анализировать каждое слово. И сразу подчеркнул – «замелькали». А это что такое? Что значит «замелькали»? Наконец, почему следователь проявил такое особое внимание к моей персоне с политической точки зрения? Ну, коррупция, взяточничество – это, как говорится, его тема. А при чем здесь «усиление позиций с учетом сдвига вправо»? При чем тут «существенное беспокойство»? «Нас очень беспокоит...» Кого это – нас?

Сомнений не оставалось: за Ивановым стоят более мощные фигуры. Он просто выполнил заказ, политический заказ тех, кого «беспокоит усиление позиций этого человека». А заодно решил нажить на этом предвыборный капитал.

А после того, как слова Иванова подхватили западные радиоголоса, у меня и вовсе никаких не осталось сомнений в том, что Иванов – всего лишь малая фигура в политической игре, которая ведется вокруг не только в нашей стране, но и скоординирована с некоторыми зарубежными силами...

Спустя год, когда социально-экономические процессы в стране приобрели ярко выраженный кризисный характер, я понял, что не одной только чистой политикой руководствовались следователи. У меня нет сомнений в том, что следователи выполняли не только политический заказ, требовавший отстранения от руководства Лигачева, а заодно и других «врагов перестройки», но одновременно и проводили своего рода отвлекающий маневр, давая возможность быстро вскормиться новой мафией.

В этой связи небезынтересно процитировать письмо, которое пришло мне от коренного ленинградца, блокадника Е.И. Жукова. Он задавал такой вопрос: «Кто малоизвестному следо-

вателю дал огромные средства, чтобы заклеить весь город сотнями тысяч листовок, причем, когда их порядочные люди срывали, ночью неизвестные вывешивали их снова во всех микрорайонах многомиллионного города. Ему были предоставлены блестящая пресса и телевидение, лучшие залы города. На чьи средства?»

А действительно, на чьи средства с таким широким размахом вел свою предвыборную кампанию борец с коррупцией скромный следователь Иванов?..

* * *

К 1991 году Горбачев «вычистил» из ЦК КПСС 85 % состава, о чем говорится в книге М.С. Соломенцева. Он убрал всех (по пословице, кого мытьем, кого катаньем), кто пытался помешать его политике разрушения, в народе прозванную к тому времени «катастройкой». В партии осталась лишь небольшая группа людей, способных выступить против Горбачева. Но было уже поздно, «демократы» при помощи своих зарубежных покровителей добились большего влияния в государстве, чем те, кто формально его еще возглавлял. Отчаянная попытка ГКЧП спасти Советский Союз изначально была обречена на провал.

Однако неудача ГКЧП означала и крах Горбачева. Убрав из партии лучших ее представителей, он сам срубил сук, на котором сидел. Опереться теперь ему было не на кого, а если он рассчитывал на благодарность своих заморских друзей, то это напрасно. Они предпочли своего другого ставленника, Ельцина, в руках которого была реальная власть. Новым хозяевам страны Горбачев стал попросту не нужен, и его с позором прогнали прочь. Вот уже двадцать лет он выступает в роли шута и фигляра, развлекаая избранную публику на различных форумах, семинарах, а то и в ночных клубах...

В книге М.С. Соломенцева вы прочтете не только о предательстве Горбачева, о разрушении им партии, но и о том, как жила страна в 50—80-е годы, как строились отношения в партийном и советском руководстве. Автор не скрывает недостатков, существовавших тогда, но показывает, что в СССР была мощная сила созидания, которая объединяла наше общество и позволяла двигаться вперед. Думаю, что этот позитивный настрой книги сейчас не менее важен, чем критический.

Приятного вам чтения.

Е. Лигачев, 2011 г.

Часть 1

После Сталина. «реформаторский зуд» Н. Хрущева

Я начну свою книгу со смерти Сталина, потому что считаю это событие переломным моментом в нашей истории.

Известие о смерти Сталина потрясло людей. Думаю, не ошибусь, если скажу, что только ярые антисоветчики, антикоммунисты и обиженные Советской властью не испытали этого потрясения. Сразу, как только было передано сообщение о кончине И.В. Сталина, в цехах Челябинского станкостроительного завода, где я тогда работал директором, во всех отделах и подразделениях начались траурные митинги. Я побывал на них в нескольких цехах, выступал и собственными глазами видел сильно взволнованных, в большинстве плачущих людей, многие из которых прошли всю войну без слез. Выступать было очень трудно, горло перехватывали спазмы. Некоторым становилось плохо.

В принимаемых резолюциях и обращениях к ЦК партии и правительству люди требовали не допустить в связи с уходом из жизни Сталина ослабления руководства страной, в свою очередь от партии к народу шли обращения еще теснее сплотиться вокруг ЦК ВКП(б), его Политбюро и самоотверженным трудом добиваться выполнения и перевыполнения планов по народнохозяйственному развитию страны.

Состоялся городской траурный митинг. Народ заполнил всю площадь и прилегающие к ней улицы. На митинге присутствовало несколько сотен тысяч человек. Выступили многие, в том числе и я. Горечь утраты вождя великой страны, какое-то необыкновенно сильное и тяжелое напряжение души овладели мной. Очень трудно описать то состояние, в котором каждый из нас находился.

То же самое, как известно, происходило по всему Советскому Союзу, а в Москве стремление попасть на церемонию прощания с И.В. Сталиным обернулось чрезвычайным положением с тяжелым и даже смертельным исходом для немалого количества людей.

Теперь, когда известные всем предатели Отечества развалили Советский Союз и активно занимаются развалом России, никто не говорит о том, каким авторитетом и уважением пользовался у народа И.В. Сталин. Но история скажет свое слово, расставит все по местам, объективно оценит сталинский период руководства партией и страной. Сталин – великий человек, недаром многие говорят: «Нам бы сейчас Сталина, он бы навел порядок в стране и вывел ее из нынешнего глубочайшего кризиса».

Народ не может забыть его величайших заслуг не только как лидера партии и государства, но и Верховного Главнокомандующего, одного из организаторов антигитлеровской коалиции, сыгравшего выдающуюся роль в победе советского народа в Великой Отечественной войне.

Вот об этих величайших заслугах умалчивают нынешние «демократы» и правители. А ведь это история нашей страны, никто не имеет права ее исказить и извращать!

* * *

Наступило лето 1954 года, шел конец июня. Стояла невероятная жара. Ртутный столбик термометра поднялся далеко за 30 градусов. В один из таких дней второй секретарь Челябинского обкома партии Беспалов сообщил, что только что звонили из ЦК партии первому секретарю обкома Николаю Васильевичу Лаптеву и предложили направить меня в отдел организационно-партийной работы, к заведующему отделом Виктору Михайловичу Чураеву.

Беспалову поручили передать мне, чтобы я срочно выехал в Москву. Я был удивлен такой спешкой, но Беспалов ответил, что в ЦК мне все объяснят. Естественно, я стал думать о при-

чине вызова и даже позвонил в отдел кадров главка Шпыневой, но ей ничего не было известно. Я попросил ее доложить обо всем начальнику главка и дать разрешение на выезд. Буквально через пару часов по ВЧ позвонил начальник главка и сказал, что мне разрешено выехать.

Утром в субботу, чуть раньше 9, зашел в приемную и доложил секретарю, кто я такой и зачем явился. Ровно в девять меня пригласили к Чураеву. После знакомства он спросил, как живут челябинцы, на что больше всего жалуются, спросил о ценах на рынках, поинтересовался заводом, его показателями. В конце полуторачасовой беседы сказал, что мне предстоит встретиться с одним из секретарей ЦК. Я просил организовать встречу в этот же день, чтобы не задерживаться до понедельника. Он обещал. О причине моего вызова в ЦК ни слова не сказал. Вскоре меня пригласили на пятый этаж к одному из секретарей ЦК. Беседа длилась минут двадцать и носила общий характер. Зачем меня пригласили, тоже не было сказано.

Совершенно заинтригованный и сбитый с толку, я опять зашел в приемную Чураева и попросил секретаря спросить его: могу ли я уезжать домой? Он зашел и буквально через минуту вышел и говорит, что я свободен.

С этим я ушел из здания ЦК на Старой площади в полном недоумении и в тот же день улетел в Челябинск.

Во вторник мне позвонил Беспалов и поинтересовался результатами поездки в Москву. Я рассказал обо всех встречах и разговорах в ЦК и честно признался, что абсолютно ничего не понял. Все это я выложил с возмущением, эмоционально.

Он меня успокоил и сказал, что Николай Васильевич Лаптев обо всем мне скажет, он меня обязательно примет. На следующий день по ВЧ звонит Лаптев и просит подъехать к нему в обком.

В три часа дня я был у Лаптева. Он сначала попросил рассказать, с кем я беседовал в ЦК и о чем. Я был крайне удивлен и не понимал, почему со мной и здесь, и в Москве ведут беседы, а для какой цели, я не знаю до сих пор. Я работаю на оборонном заводе, все у нас с грифом секретности, я привык работать на секретных заводах, но такой секретности я еще не встречал. О чем и сказал Лаптеву.

Лаптев посмеялся, а затем сказал, что сейчас мне все расскажет.

И начал рассказывать. Он сказал, что в ближайшее время состоится пленум обкома партии, на котором будут заслушаны областное управление сельского хозяйства и руководители районов по вопросу готовности колхозов и совхозов к уборке.

Будет рассмотрен также и организационный вопрос – избрание секретаря обкома по промышленности и строительству. После этого мне стало понятно, зачем меня вызывали в Москву.

Я, правда, снова удивился, почему даже не спросили моего согласия. На что Лаптев ответил, что при подборе на такой пост главное не согласие работника, а его политические и деловые качества. «Мы руководствуемся прежде всего Уставом партии, а он гласит, что каждый коммунист может быть избран на руководящую работу». Мое желание трудиться по специальности на инженерно-технической или инженерно-хозяйственной работе, естественно, не было принято во внимание.

В заключение он назвал пока приблизительную дату созыва пленума обкома и выразил уверенность, что пленум поддержит предложение о моем избрании секретарем обкома.

* * *

Пленум состоялся во второй половине августа 1954 года. Вторым вопросом Лаптев сообщил пленуму обкома о необходимости доизбрать одного секретаря обкома по промышленности. Возражений не было. Далее он сказал, что секретариат, бюро обкома вместе с отделом оргпартрботы ЦК скрупулезно занимались подбором кандидатуры на этот пост и пришли к

единодушному решению рекомендовать на этот пост меня. Я был избран секретарем обкома единогласно.

После избрания я испытывал какое-то двойственное чувство: с одной стороны, не хотелось уходить с производства, а с другой – были удовлетворение и радость за оказанное высокое доверие.

Челябинская область – одна из самых больших не только в России, но и в Союзе. По объему промышленного производства она занимала пятое место в России и шестое – в СССР. Партийная организация области была одной из крупнейших в стране. Там были высокая принципиальность, дисциплина, требовательность к каждому коммунисту, независимо от того, кем и где он работал, соблюдались моральные и нравственные требования. Я горжусь, что жил и работал в таких коллективах, в такой партийной организации.

Много еще можно сказать доброго о Челябинской области, о людях. Из этой области вышло немало крупных партийных и государственных деятелей. Она также стала кузницей кадров для других регионов, центральных организаций и учреждений Советского Союза.

С заводом я расставался с большой грустью. За пять лет удалось вывести завод из тяжелого финансового состояния и превратить в рентабельно работающий. Много сил ушло на улучшение социальных и бытовых проблем. В парткоме решили пригласить после работы в зал заседаний заводоуправления начальников цехов, отделов и служб, руководителей общественных организаций.

Я рассказал собравшимся о постановлении пленума Челябинского обкома партии, избравшего меня секретарем обкома. Сердечно поблагодарил всех присутствующих и всех трудящихся завода за активную слаженную работу, пожелал всем доброго здоровья, новых успехов в труде всему коллективу. После встречи ко мне в кабинет зашли секретарь парткома, главный инженер, председатель завкома и секретарь комитета комсомола. Приказом министра временно исполняющим обязанности директора завода назначен главный инженер К.Н. Мышков.

Они повели со мной разговор уже как с секретарем обкома. Просили, по существу, об одном – не забывать завод, использовать все возможности для оказания помощи, в которой завод очень нуждался. Я пообещал.

Пройден еще один кусок жизненного пути, обогативший меня как инженера, как руководителя. Такие познания можно получить только в непосредственной работе с людьми. Ни одна академия таких знаний и опыта не даст. Так создается мощная база, очень важная для выдвижения на другую, более сложную и ответственную должность.

* * *

На следующий день я пришел на работу в обком партии, зашел к первому секретарю Лаптеву. Поговорили о делах, на что особо следует обратить внимание. Потом он повел меня в кабинет, где я буду работать. Он располагался напротив кабинета второго секретаря обкома Беспалова. Приемная одна, один и технический секретарь.

Несколько слов о Лаптеве. Лаптев не был коренным жителем города и даже области. Приехал он после окончания Высшей партийной школы при Центральном Комитете и, естественно, им же и рекомендован на пост второго секретаря горкома. Сам он из Донбасса, с опытом партийной работы и высшим партийным образованием. Другого высшего образования у него не было.

Через непродолжительное время его избирают первым секретарем горкома, а когда Аристов становится секретарем ЦК КПСС, первым секретарем Челябинского обкома избирается Лаптев. Карьера быстрая и не совсем понятная для местных коммунистов. В области было немало достойных и подготовленных людей.

Несколько позже многие поймут, что Хрущев, став первым лицом в партии и в правительстве, начал выдвигать на партийную и государственную работу даже в России людей с Украины. Так, Полянский избирается секретарем Оренбургского обкома партии, а вскоре его назначают Председателем Совмина РСФСР. Секретарем Оренбургского обкома партии избирают Коваленко. Спрашивается, что, в России на эти посты не было достойных людей? Ничего подобного, были, и в достатке.

Секретарем Тульского обкома партии избирается Юнак, секретарем Ростовского сельского обкома партии избирается Скрябин – тоже с Украины. В Москве тоже на многие посты были выдвинуты украинские кадры. В том же 1954 году по настоянию Н.С. Хрущева Крымскую АССР передали из административного подчинения России в административное подчинение Украины. Почему? На каком основании?

Это решение многие россияне восприняли с болью, подчас с возмущением и негодованием. Говорю я об этом на основании неофициальной информации, бесед, возникавших при встречах на заводах, в городе. Наиболее резко осуждала это решение интеллигенция, и в особенности те, кто прошел войну.

Севастополь – город русской славы! Какое отношение имеет Украина к Севастополю, как и ко всему Крыму? Отвечать на эти вопросы было трудно.

Есть свидетельства, что после выселения татар Крым пытались заселить курянами. Приезжавшие руководители партии спрашивали у них, как идут дела. Куряне отмалчивались, ухилились и, оглядываясь, говорили, что «картоха не растет»... Вот и решили переселять тех, кто знает, что в Крыму «растет»...

Да разве кто-нибудь, хотя бы в страшном сне, мог тогда увидеть будущий развал страны? Так что винить во всем этом нужно не только Хрущева, а Ельцина, Шушкевича и Кравченко – «лесных братьев», как их называл народ и на Украине, и в Белоруссии, и в граничащих с ними регионах России. Если и нужно было расходиться, то не методом развала великой державы, а цивилизованным путем. И обо всем нужно и должно было договариваться. Ельцин хотел поскорее столкнуть Горбачева, отсюда и безответственные, скороспелые Беловежские соглашения. К чему это привело, теперь всем известно. Руководители России, не спросив народ, уже в мае 1997 года еще раз подписали какой-то договор и заявили, что территориальных претензий у России к Украине нет. Вопрос этот настолько большой и важный, что требует более обстоятельного разговора. Я о нем сказал только потому, чтобы показать, как Хрущев задабривал украинцев, чтобы удержаться у власти. Это мое личное мнение, оно выстрадано...

* * *

Я проработал в обкоме партии менее года, когда в середине июня 1955 года второй секретарь обкома Беспалов был вызван в ЦК. Я не знал зачем, а спрашивать Лаптева не стал, считая это неэтичным. Через день или два Лаптев пригласил меня к себе. Ему позвонили из ЦК, вероятно из отдела организационно-партийной работы, и сообщили, что Беспалову было предложено поехать работать в одну из областей РСФСР в качестве первого секретаря обкома партии. Он сразу отверг это предложение, повел себя очень нервно и даже обидчиво. Ему предложили подумать.

Товарищи по работе советовали ему проявить партийную дисциплину и принять предложение, тем более что речь идет о выдвижении на более ответственную работу. Он якобы называл ряд причин, в том числе состояние здоровья, из-за которых не может принять предложение. В конце дня на повторной беседе он категорически отказался от предложения.

Поведение Беспалова вызвало у руководства отдела ЦК не только удивление, но и возмущение. Как могло случиться, что на посту второго секретаря обкома такой крупной партор-

ганизации и сложной области оказался случайный человек? Кто его подбирал и выдвигал на эту работу? Надо немедленно освободить Беспалова от работы в обкоме партии.

Пытаясь узнать все из первых рук, Лаптев несколько раз звонил Чураеву, но не мог застать его на месте.

Через день в обкоме появился Беспалов и сразу зашел к Лаптеву. Потом он зашел и ко мне. Вид у него был удрученный. Он сказал: «Я погорел». Потом стал рассказывать, что сейчас был у Лаптева и тот сказал, что ему ЦК предложено немедленно освободить Беспалова от обязанностей второго секретаря обкома. Он предполагал, что решение будет именно таким. Но и предложение отдела ЦК он принять не мог.

Я не стал ему задавать каких-либо вопросов, посочувствовал. Он не назвал область, в которой ему предлагали работать первым секретарем обкома партии, не назвал и причин своего отказа. Попросил дать такую работу, чтобы прокормить себя и семью. На этом мы попрощались.

Примерно дня через два Лаптев рассказал, что переговорил со всеми членами и кандидатами в члены обкома партии, рассказал о случившемся с Беспаловым. Все товарищи осудили поведение Беспалова. Также он со всеми посоветовался о кандидатуре на пост второго секретаря. Все как один назвали мою кандидатуру. Такое же мнение у первых секретарей крупных городов и районов.

Затем он переговорил с Чураевым. Теперь Чураеву нужно было переговорить с секретарями ЦК партии. Вскоре Чураев позвонил и сказал, что кандидатура Соломенцева на пост второго секретаря обкома партии принята. Можно проводить пленум, так как Соломенцева решили не вызывать в ЦК.

Собрали пленум обкома, а перед ним бюро обкома и меня избрали вторым секретарем Челябинского обкома партии единогласно.

После закрытия пленума Лаптев предложил провести в связи с изменениями в руководстве перераспределение обязанностей между секретарями.

К концу недели я позвонил Лаптеву и сказал, что готов изложить свои соображения по распределению обязанностей между секретарями обкома. Вначале мы рассмотрели мой вариант. В мои предложения он внес коррективы, касающиеся нас обоих. Я предлагал, чтобы он курировал отделы организационно-партийной работы и административных органов, Управление государственной безопасности, управление Министерства внутренних дел, прокуратуру, суды и т. п. Себе я оставил тоже два отдела – промышленности (всех видов и отраслей) и строительства.

Лаптев в принципе согласился, но предложил, чтобы я курировал еще отдел административных органов. Он связывал это с нагрузкой его множеством других, общего характера проблем и поручений ЦК, а также не совсем стабильным состоянием своего здоровья.

Кроме этого мне придется заниматься закрытыми объектами, такими, как «Челябинск-40» и «Челябинск-70» по производству ядерного вооружения. Дел там немало, а будет еще больше.

Бюро обкома будет проводить он, а в его отсутствие это буду делать я. Секретариат обкома буду проводить я, а в мое отсутствие – он.

О своем здоровье Лаптев мне сказал впервые. Как затем мне стало известно, у него были серьезные проблемы с желудком, поэтому ему было необходимо соблюдать определенный режим питания. Но работал он много и самоотверженно, несмотря на болезнь. Я, в свою очередь, старался не перегружать его вопросами, проявлять больше самостоятельности. Лаптев улавливал такие нюансы и не мешал мне, а поддерживал и доверял.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.